

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ ЭКОНОМИКИ

Бил А. С.

(Москва)

Рассмотрены актуальные проблемы регулирования государством экономических и социальных процессов в обществе. Предложены методологические подходы к определению сферы и границ воздействия государства на экономику, к разграничению экономической и политической власти.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА. ГОСУДАРСТВО И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Демократическое государство — это обобщающая характеристика типа политических отношений, типа власти в обществе. Построение, последовательное формирование такого государства представляет собой основополагающую задачу нынешней реформы политической системы, позволяющую в большей степени, чем остальные цели перестройки, определить характер современных преобразований в обществе как революционный.

Собственность — это тип власти в хозяйстве, в экономике. Каковы соотношения и взаимосвязи между названными двумя типами власти?

На этот счет есть два принципиальных подхода.

Первый — классический марксистско-ленинский, реализованный в странах социализма советского образца. Государство, объявляемое абсолютным субъектом общенародных интересов, выступает и верховным субъектом собственности. Политическая власть (в реальном опыте — тоталитарного или авторитарного характера) сливается с экономической. Полное огосударствление всего и вся в экономике.

Второй подход — общецивилизационный, основанный на разделении политической и экономической власти. Государство также является субъектом общенародных интересов, но отнюдь не абсолютным: демократическое государство осуществляет только функции, делегированные ему обществом, а последнее передает лишь те функции, которые непременно требуют реализации через государство. Среди них есть и экономические. Но это такие функции, которые государство осуществляет не как верховный субъект собственности, а как главная политическая организация общества, являющаяся субъектом и гарантом действительно общенародных интересов. Что касается субъектов собственности, то они, как известно, представлены в самых разнообразных вариантах, соответствующих видам собственности: индивидуальной (трудовой и предпринимательской, частной); коллективной (кооперативной, акционерной); общегосударственной, региональной и муниципальной; смешанной. Имеет место четкая персонализация субъектов и отношений собственности, не связанная с функциями и формами государственного устройства.

Мы полагаем, что предстоит реализация второго, общецивилизационного подхода. Принципиальное и четкое разграничение политической и хозяйственной власти — важнейшее условие действительного обновления советского общества и его экономики. Идеология и политика перестройки пока не выдвинули этой задачи во всей ее полноте, хотя принятие Закона о собственности (март 1990 г.) знаменует, несомненно, преодоление важного рубежа на пути решения данной проблемы. Умно-

гих сохраняются иллюзии, что пороки всеобщего огосударствления могут быть ликвидированы лишь на основе ограничения полномочий ведомств, расширения прав республиканских и местных Советов, изменения практики планирования и т. п. Думается, что это — заблуждение. Упомянутые меры в наших условиях не дадут результатов, если не будут базироваться на персонализации субъектов и отношений собственности. Стереотипы «общенародной собственности» и ее административное наследие в лице аппарата ведомств заблокируют реформы в указанных направлениях. Вот почему первостепенное значение приобретают содержание Закона о собственности и особенно практические меры по его реализации.

Степень социально-психологической зрелости советского общества в современных условиях такова, что осознание необходимости обеспечения экономического самоопределения и подлинно экономической самостоятельности человека на основе плюрализма видов собственности является достаточно массовым. (Хотя есть, разумеется, и противники, не отступающие и после принятия Закона о собственности.) Помимо того, что заинтересованность и активность находящихся в соревновании друг с другом субъектов собственности способны быть главным фактором выхода из социально-экономического кризиса, *плюрализм собственности справедливо рассматривается как одна из основных социальных гарантий подлинной свободы человека в обновленном обществе.*

Итак, крупнейшая задача перестройки общества современного советского типа — «самооптимизация» участия государства в социально-экономических процессах. Речь идет прежде всего о «разгосударствлении» и децентрализации экономической жизни путем равноправного развития различных видов собственности.

В связи с этим необходимо, во-первых, значительное увеличение удельного веса индивидуальной и кооперативной собственности, основанных как на личном труде владельцев средств производства, так и на использовании наемного труда. Во-вторых, распространение акционерной собственности, в рамках которой акционерами могли бы выступать государство и его хозяйственные органы, банки, предприятия и их ассоциации, отдельные граждане. Видимо, предстоит радикально пересмотреть догматические постулаты о содержании отношений эксплуатации, а законодательным органам — создать систему надежных социальных гарантий, препятствующих возникновению новых (взамен имеющихся в экономике государственного социализма) извращенных форм экономического угнетения трудящихся.

Разнообразие видов собственности, понимаемое как развитие в дополнение к государственной индивидуальной, кооперативной, акционерной и государственно-коллективной, недостаточно. Требуется не только уменьшение удельного веса, но и более решительное обновление самой государственной собственности. Для этого предлагается, как известно, развивать аренду как эффективную форму взаимоотношений государства — собственника и трудового коллектива — арендатора. Но это только один путь.

Аренда нужна и для постепенного перехода предприятий (преимущественно мелких и средних) в коллективную собственность. Здесь необходимы иные условия построения и размер арендной платы, и это принципиально другой путь: превращение коллективной собственности в один из основных видов владения и распоряжения средствами производства в ряде отраслей промышленности, транспорта, строительства, сферы услуг.

Иногда утверждают, что коллективная собственность не является эффективной, ссылаясь при этом на опыт, в частности, Югославии. Однако анализ показывает, что нет оснований считать предпринятые в СФРЮ в 70-е годы меры по децентрализации соответствующими созданию новой структуры собственности: имевшее там место расширение самостоятельности предприятий не «дотягивает» до подлинных прав собственников. Кроме того, сейчас важно открыть пути плюрализму и

в этом отношении жизнь покажет, какие виды владения и распоряжения имуществом более эффективны.

Нельзя не видеть серьезных достоинств коллективной собственности. Во-первых, ее жизнеспособность подтверждается опытом ряда стран Европы и Америки, включая США. Во-вторых, она может быть переходной формой к той же акционерной или частнопредпринимательской. По нашему мнению, именно к преобразованию отношений собственности на данной основе в наибольшей степени подготовлено массовое сознание в СССР, сильно «зараженное» уравнилельскими стереотипами. Этого нельзя не учитывать: ведь реформа должна быть рассчитана на живых людей.

Что касается вполне реальных на сегодняшний день отрицательных особенностей коллективной собственности, в первую очередь ориентации коллектива на «проедание», а не на капитализацию дохода, то здесь необходимо целенаправленное государственное регулирование условий распределения дохода в период работы предприятия на аренде; пока государство остается собственником, оно может установить соответствующие условия. А в дальнейшем рынок, являясь арбитром жизнеспособности предприятий, стимулирует заботу коллективных собственников о модернизации и развитии производства. Если же часть таких собственников не выживет в жестких условиях требований рынка к динамичному обновлению производства, то это будет одним из вполне закономерных проявлений упомянутого выше переходного характера данного вида собственности.

Создание принципиально новой структуры собственности проясняет, на наш взгляд, критериальный принцип «разумной достаточности» государственного руководства экономикой. Представляется логичным такой подход: *государство руководит экономикой в тех формах, которые не препятствуют закономерной реализации отношений собственности*. Конечно, и этот принцип нужно наполнять конкретным содержанием, но на его основе, учитывая в том числе и мировой опыт, вполне возможно разграничение функций государства и предприятия на объективной (экономико-правовой), а не на произвольной (административной) базе.

Сформулированные выше положения о необходимости разделения политической и экономической власти позволяют выдвинуть производные от них общие организационно-политические принципы функционирования институтов государственной власти в социально-экономической сфере. Применительно к данной сфере институт власти — это орган демократического государства, которому на конституционной, законодательной основе делегированы функции и прерогативы государства по регулированию социальных и экономических отношений. К таким институтам, следовательно, не относится обширная негосударственная институциональная (организационная) структура в экономике, реализующая иную власть, определяемую отношениями собственности.

Что входит в негосударственную институциональную структуру в экономике? Все экономико-организационные формы, представляющие многообразие субъектов собственности: союзы производителей и потребителей, акционерные общества, организации кооператоров, арендаторов и т. п. Эти формирования (которые до сих пор иной раз стыдливо именуют «формами организации производства и управления», хотя они призваны стать структурными формами отношений собственности в хозяйстве) должны вполне самостоятельно функционировать на базе свободного предпринимательства. Эта основа определяется двумя главными факторами: 1) сутью многоукладности, реальной экономической обособленностью субъектов собственности и имуществ от государства и друг от друга; 2) социально-экономическим регулированием со стороны государства в пределах функций, делегируемых ему обществом. Такое регулирование, как уже подчеркивалось, не может противоречить экономико-правовому содержанию отношений собственности.

Сфера воздействия институтов демократического государства отнюдь не совпадает с экономикой как таковой. Она, в частности, не включает в себя такие неотъемлемые составляющие управления в командной экономике государственного социализма, как планирование производства и распределение (перераспределение) продукции и ресурсов во всем масштабе.

В то же время сфера воздействия государственных институтов последовательно и всесторонне охватывает важнейшие фундаментальные элементы экономики свободного предпринимательства: условия функционирования имуществ (капитала) и распределения доходов от экономической (предпринимательской) деятельности и от наемного труда. Универсальным средством воздействия и регулирования выступает система налогов, льгот, субсидий, реализующая фискальную, стимулирующую (в том числе репрессивную) и перераспределительную функции. По нашему мнению, указанная система в ближайшей перспективе должна активно «работать» и в направлении разгосударствления собственности.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Выделим ряд функций, которые должны, как нам представляется, обеспечить эффективную роль государства (центральной власти) в осуществлении перестройки социально-экономических отношений.

Функция социального гарантирования прав и свобод личности обычно упоминается в контексте политических характеристик демократического государства, но она должна иметь и вполне конкретное социально-экономическое наполнение, особенно сейчас, когда ощущается демократизация в политической области, а благосостояние людей пока не улучшается. К числу очевидных форм социальных гарантий относятся выплаты нетрудоспособным и временно нетрудоспособным, механизм адаптации доходов к условиям инфляции, реализация принципов равнодоступности в сфере льготного (бесплатного) распределения и нормального обмена и др.

Известно, что социальное гарантирование — неотъемлемая функция демократического государства. Главный инструмент народовластия — государство — отвечает за интересы субъекта власти — народа. Это не означает, что реализация данной функции не может быть децентрализована. Конечно, ее осуществляют на основе создания государством необходимых условий и собственники, и государственные предприятия, и регионы, и общественные организации. Но гарантирующая роль, а следовательно, ответственность — именно за государством. И это вполне осознается народом. Раскованная демократизацией и гласностью общеполитическая обстановка обнажила масштабы социального долга тоталитарного государства, неожиданно быстро произошло массовое осознание глубины и запущенности социальных проблем. Недовольство стало проявляться явно и довольно широко, в ряде случаев — весьма активно, в жестких формах самоорганизованного народного протеста и «подкрепления» выдвигаемых требований забастовками. Характер этих требований свидетельствует, что государство воспринимается как «совокупный ответчик» за кризис.

Ключевой вопрос перспективной модели социальных гарантий, да и социальной политики в целом, — это вопрос о создании такой системы ее форм и методов, которая бы органически соответствовала, во-первых, демократическому типу государства, а во-вторых, новой структуре и отношениям собственности.

Присвоив себе права и функции собственника, тоталитарное государство лишило человека свободы, самоопределения и ответственности отнюдь не только в экономических отношениях. Следствием ущемленности экономических свобод являются и деформации социальных отношений. В частности, взяв на себя установление нормативов заработной платы, стимулирования, государство, на наш взгляд, явно превышает

необходимые и допустимые функции регулирования распределительных отношений, до сих пор подменяя их диктатом в формировании уровней и пропорций благосостояния граждан и общественных групп. Это, впрочем, не избавило сферу распределения от стихийности и диспропорций.

Многоукладность собственности, развитие на новых условиях индивидуальных, разнообразных коллективных, государственно-коллективных, государственных (в том числе национально-государственных, региональных и муниципальных) форм собственности должно привести к высокой степени свободы ее субъектов и субъектов трудовых отношений в установлении видов и размеров вознаграждения за предпринимательскую деятельность (доходы арендаторов, акционеров и т. п.) и за труд. Конечно, и здесь необходимы законодательно установленные нормативы регулирования, но они не должны выхолащивать объективное экономико-правовое содержание обособленных от государства субъектов и форм собственности.

В связи с этим неизбежно разграничение государственных и негосударственных задач и функций социальной политики. Постепенная перестройка тоталитарного государства в демократическое требует отказа от всеохватности государством социальных отношений. Последние в немалой степени должны быть организованы на самостоятельной, самоуправленческой основе трудовыми коллективами, иными субъектами хозяйствования, многообразными общественными организациями, ассоциациями и объединениями граждан.

Обновленный тип государства и принципиальные изменения в отношениях собственности требуют устранения деформаций в трактовке закономерных социальных гарантий в распределительной политике. Рассмотрение этих вопросов весьма важно. Дело в том, что с точки зрения пока еще немалой части общества развитие рыночных отношений и плюрализм собственности выглядят как наступление на интересы «рядового работника», «простого человека». Не претендуя на полноту анализа данной проблемы, отметим два обстоятельства.

Во-первых, должны быть усилены социальные гарантии прав и собственников, и работников. Государство (как законодатель, так и судебная система) и профсоюзы призваны позаботиться об этом.

Во-вторых, необходимо, видимо, провести четкую границу между социальными гарантиями, подлежащими безусловной реализации, и пережитками патернализма в государственной политике. Патернализм всегда являлся поверхностной формой социального контракта между угнетавшей массы бюрократической диктатурой и той частью масс, которая либо сама служила «винтиками» административно-командного механизма, либо по другим причинам считала существовавшую (и пока существующую) систему угнетения для себя выгодной. Одно из фундаментальных порождений такого рода патернализма — уравниловка.

Известно, что уравниловка как система общественных отношений пустила прочные корни в обществе. Новая система собственности призвана ее преодолеть. В этом ее глубокий социальный смысл. Естественно, что те, кому уравниловка выгодна (прежде всего — малоквалифицированные и недобросовестные работники, а также паразитирующие управленцы), выступают против слома таких отношений. Соответствующие формы общественного сознания, обслуживающие данный специфический интерес, в том числе экономические концепции, есть основания оценить как догматические и консервативные.

Во второй половине 1989 г. весьма активизировались политические силы, в том числе ортодоксальные адепты казарменно-коммунистической идеологии, которые, апеллируя к милой массовому сознанию уравниловке, пытаются сформировать оппозицию программе радикальных экономических преобразований.

Ряд социально-психологических привычек, тесно связанных с патернализмом и уравниловкой, следует исключить из системы гарантий. В частности, на наш взгляд, государство не может гарантировать так называемой равной оплаты за равный труд, если труд оценивается

только по номинальному потенциалу работника (уровню образования, занимаемой должности, квалификационному разряду и т. п.). Индивидуальный труд должен оцениваться лишь по результату, который не может быть рассмотрен вне результата коллективного труда, его общественного признания через рынок. Следовательно, именно последний, материализуемый в хозрасчетном доходе, является первым слагаемым, исходным для объективной оценки индивидуального труда. Второе слагаемое — оценка субъектом собственности или трудовым коллективом результативности трудового вклада отдельного работника.

Что же должно гарантировать государство в области оплаты труда? Думается, представимы две группы гарантий. Первая — минимум оплаты, возможно, дифференцированный для различных социально-профессиональных категорий работников. Вторая — социальные компенсации за неблагоприятные с точки зрения общества, «отклоняющиеся» от общественно нормальных условия труда. В обоих случаях государство лишь устанавливает в законодательном порядке соответствующие нормативы, а собственник или трудовой коллектив обязаны сформировать необходимое финансовое обеспечение. Формы и системы оплаты труда устанавливаются субъектами собственности и трудовыми коллективами вполне самостоятельно, так называемые тарифные и прочие нормативы, разрабатываемые государственными органами по труду, могут использоваться в качестве ориентиров, а могут и не использоваться.

Контуры перспективной модели социальной политики и распределительных отношений позволяют придать необходимую однозначность траектории динамики уровней и пропорций доходов различных групп населения в обозримой перспективе. Соответствующие варианты сейчас широко обсуждаются, так сказать, с предположительным уклоном. На наш взгляд, характер и цели перестройки и радикальной экономической реформы предполагают последовательное формирование социального образа «экономического человека» как главного действующего лица и важнейшего «человеческого» результата преобразований. Рост благосостояния общества будет определяться потенциалом, активностью и благосостоянием работника эффективного труда и субъекта эффективной предпринимательской деятельности. Их доходы должны расти наиболее высокими темпами, определяемыми не мероприятиями государства, а эффективностью самореализации человека в экономике.

Если интегрально оценивать наши экономические возможности в ближайшие годы, то наиболее вероятная задача социальной политики государства в области материального благосостояния населения — обеспечение *социально приемлемого уровня жизни*. Что вкладывается в этот термин?

Ясно, что социальная приемлемость предполагает некие количественные характеристики индивидуальных потребностей и степени их удовлетворения. Параметрам потребления должны соответствовать также определенный уровень и структура доходов. Ясно также, что сам термин «приемлемость» отражает крайнюю затруднительность обеспечения значительного повышения материального благосостояния. Тем важнее оценить его качество, уровень с позиций наиболее существенных особенностей нынешнего исторического этапа.

Основная качественная характеристика социально приемлемого уровня жизни состоит, видимо, в его достаточности для решения первоочередных задач вывода экономики из кризиса и «приживаемости» базисных форм новой системы экономических отношений (собственности, рынка и др.). Только эти формы могут приостановить достигшие опасного обострения негативные тенденции в сфере материального благосостояния, создать условия для его стабилизации и повышения, а также нахождения путей удовлетворения конкретных потребностей. Так что предлагается отнюдь не забвение социальных проблем во имя решения экономических, а сбалансированность социальных запросов с наличными экономическими возможностями, увеличение последних и

последовательное решение социальных задач на иной, обогащенной по сравнению с исходной, базе.

Чем измерить упомянутую достаточность? Думается, есть два измерителя: уровень трудовой и экономической активности населения и уровень политической стабильности общества. Если совокупный трудовой процесс происходит интенсивно, люди чувствуют реальность и преимущества экономического самоопределения и в значительных масштабах осваивают роль активных субъектов хозяйственной деятельности, и если при этом не возникает связанных с материальными условиями жизни факторов политической дестабилизации, есть основания считать уровень жизни социально приемлемым. Второй критерий представляет собой своего рода нижнюю границу социальной приемлемости.

Не принижаем ли мы наши возможности и соответственно социальную цель этапа? Вряд ли. Масштабы неудовлетворенного спроса, несбалансированность потребительского рынка, инфляция, крайне ограниченные финансовые ресурсы государства, бедность немалой части населения, бездействие стимулов к массовому высокопроизводительному труду, отсталость технико-технологической структуры производства и услуг — все это не позволяет считать в обозримой перспективе реальной качественно иную, кроме социальной приемлемости в предложенной выше трактовке, обобщающую характеристику материального положения значительной части населения.

Правомерен ли другой вопрос: не завышаем ли мы возможности? Обратимся к предлагаемым критериям социальной приемлемости. Если внимательно рассмотреть упомянутые критерии, то станет очевидно, что много в трактовке социальной приемлемости просто не дано. Другие варианты, чреватые продолжением экономического кризиса и назреванием масштабного социально-политического взрыва, уже неприемлемы.

Предложенные критерии позволяют сформировать четкое отношение к любым конкретным мерам в сфере доходов и потребления. Например, оживленно обсуждалась эффективность принятого первой сессией Верховного Совета СССР порядка налогообложения прироста средств на заработную плату работников государственных предприятий. Этот порядок, видимо, мог обеспечить решение задачи, важность которой несомненна — ограничить неукротимый доныне рост заработков в той части, в какой он превышал увеличение производства. Не останавливаясь здесь на всей совокупности последствий введения данного налогового норматива (это выходит за рамки рассматриваемой сейчас проблемы), отметим, что после принятия указанного налога резко замедлился переход предприятий на аренду.

Поскольку такое замедление оказалось довольно устойчивым, то правомерно сделать вывод: отвечая, возможно, чрезвычайным требованиям по оздоровлению финансово-экономической ситуации, данный вариант налогообложения не соответствовал критерию социальной приемлемости повышения доходов, ибо он ограничил упомянутое повышение существенно, что сыграл дестимулирующую роль с позиций приживаемости прогрессивных форм хозяйственных отношений, способных стать магистральным направлением обновления экономики.

Необходимо обеспечить *целенаправленность экономической политики*. Инерционность, слабую управляемость нашего развития в застойные годы, плохо преодоленные пока перестройкой, необходимо изжить. Зарождающийся демократизм власти должен обеспечить постановку во главу угла концепций и целей, отражающих чаяния народа, реальные потребности общества. А весь арсенал методов государственной политики необходимо направить на неуклонное осуществление демократическим путем сформированных и принятых государственных программ.

Предстоит не на словах, а на деле преодолеть контрольно-диспетчерские и распределительные функции плана, придать ему функции стратегического целеустановления и ограниченного текущего регулирования хозяйственной ситуации. Должна измениться и сама модель плана. Нормативно-правовой режим функционирования субъектов собственности,

оформленный в виде совокупности законодательных актов, предполагает, на наш взгляд, общегосударственное планирование в двух основных формах: народнохозяйственных целевых программ различного характера и продолжительности и государственного бюджета, регламентирующего ежегодные расходы на эти программы и другие нужды общества.

План должен утратить присущие ему ныне всеобщность и иерархичность. На каждом уровне управления в пределах находящихся в его распоряжении средств разрабатывается самостоятельный план, отражающий специфику функционирования соответствующего объекта и законодательно определенную роль именно данного уровня управления в обеспечении развития этого объекта. Соответственно целевые программы, составляющие государственный план экономического и социального развития страны, должны представлять собой систему установлений и мероприятий, обеспечивающих решение общегосударственных задач усилиями и за счет ресурсов самого государства (центральной власти) [1, 2].

Выдвижение в число важнейших функций государства целенаправленности экономической политики неизбежно ставит вопрос о взаимосвязи целей практической государственной политики и установок общественной идеологии. Опыт показывает, что, с одной стороны, чрезмерная зависимость политики от идеологии способна на длительное время заслонить реальность во имя некритического следования идеологическим постулатам. С другой, — однажды сориентировавшись на те или иные догмы, политика со временем становится их «главным хранителем», мешая развитию теории как на базе прогресса собственно теоретического знания, так и на основе обобщения нового исторического опыта.

Становится общим местом призыв к добросовестному анализу и, возможно, пересмотру ряда теоретико-идеологических постулатов. Необходимость и оправданность этого очевидны. Поэтому, рассматривая функцию целенаправленности практической политики, правомерно, видимо, заключить: не стоит сейчас искусственно ориентироваться ни на утратившие доверие каноны, ни на подчас спешно изобретаемые взамен теоретические новации. Переходный период — время накопления совершенно нового исторического материала для качественного обогащения нашего мировоззрения. В этих условиях *цели государства скорее всего должны носить достаточно выраженный прагматический характер*, зависеть прежде всего и главным образом от текущих и перспективных потребностей развития, выявляемых и путем профессионального анализа, и на широкой демократической основе. Реализация этих целей, реальный ход развития в дальнейшем составит фактологический базис обновленной общественной идеологии.

Актуален не только отказ от искусственной идеологизации экономической политики на уровне государственных установок, в этом отношении в последние годы сделано немало. Очевидны два осложняющих фактора. Во-первых, много устаревших идеологем еще пронизывает индивидуальное и общественное сознание, оказывает воздействие на мотивации реального социального поведения больших групп людей из разных социальных страт. Это способно тормозить прогрессивные нововведения (вспомним, например, яростные атаки против кооперации, чаще всего связанные с невосприимчивостью массового сознания к непривычным формам организации производства, труда и распределения). Последствия прежней суперидеологизации опасны сейчас прежде всего на уровне индивидуальной и групповой психологии. Во-вторых, прагматическое целеустановление не является простым процессом: отказ от искусственно идеологизированных целей отнюдь не означает, что нет необходимости выявлять, обосновывать и ранжировать действительно актуальные задачи, отражающие массовые интересы, и приводить в действие соответствующие реализующие их механизмы.

Особая функция — обеспечение экономического и политического равновесия (стабильности) в обществе в смысле недопущения антагонистического столкновения, непримиримого конфликта интересов между социальными группами общества. Именно в этом ее суть. (Термин «рав-

новесне» в данном случае не следует увязывать с поддержанием каких-то пропорций на рынке, а тем более термин «стабильность» — с консервацией тех или иных экономических структур и отношений.)

Противоречивость экономических интересов — явление закономерное. Любое государство в тех или иных формах ведет политику согласования интересов, недопущения кризисного обострения противоречий. В условиях переходного периода, означающего отрицание неудовлетворительных форм социально-экономической жизни и освоение обществом новых принципов и путей развития, возможности обострения, антагонизации противоречий объективно увеличиваются. В такой ситуации рассматриваемая функция приобретает особое значение.

Методы осуществления обеспечения стабильности вряд ли могут представлять собой нечто специфическое, существующее, скажем, вне налоговой и ценовой политики, мер по регулированию дифференциации доходов, улучшению условий потребления, социальной помощи. Скорее, перечисленные направления политики государства должны учитывать требования данной функции.

Впрочем, реальная ситуация подсказывает и иные, организационные формы обеспечения стабильности, одновременно представляющие собой проявления прогрессивного развития современной институциональной структуры на подлинно демократической основе. В частности, своевременную интеграцию в государственную систему выработки и принятия решений по социально-экономическим вопросам различных формирований общественного экономического самоуправления, занимающих конструктивные позиции и отражающих массовые интересы.

Необходимо на партнерской основе ввести в существующую институциональную структуру на различных ее уровнях объединения и союзы кооператоров, арендаторов, другие ассоциации производителей и потребителей. Все это послужит согласованию интересов и, что весьма желательно, серьезному преобразованию в обозримой перспективе самой институциональной структуры на здоровой основе ее «экономизации», отделения от административных органов государства.

О ВЛИЯНИИ ГОСУДАРСТВА НА ХАРАКТЕР И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРИОДА РЕАЛИЗАЦИИ НАМЕЧЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМ (ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА)

Каковы наиболее вероятные варианты этого процесса?

Первый вариант — более или менее планомерное и относительно (только относительно — чего стоит одно создание новой структуры собственности, формирование принципиально иных распределительных отношений) безболезненное постепенное развитие событий в течение достаточно длительного переходного периода. Его продолжительность в немалой степени обуславливается материально-финансовой несбалансированностью хозяйства. Гарантом этого варианта, его планомерности и подлинной радикальности, как представляется, могут быть государство, новые Советы, консолидирующие на демократической основе «перестроечные» общественные силы.

Немалый вред осуществлению такого варианта наносят, думается, призывы и обещания добиться существенного улучшения ситуации в экономике в кратчайшие сроки. Назывались даже ближайшие 1—2 года. Очевидно, что существенного улучшения по широкому кругу характеристик в эти сроки не может произойти (и не происходит), а это становится «свежим» фактором подрыва доверия к реформе и реформаторам. Нужно бы четко наметить ряд конкретных, непременно значимых, но реально достижимых целей и именно их осуществление обеспечить безусловно.

Второй вариант — резкий и сравнительно быстрый переход к новым чертам хозяйствования и функционирования других сфер общественной жизни. Он обосновывается, как правило, половинчатостью в проведении реформ, серьезной социальной неудовлетворенностью в обществе. Этот

вариант в разных формах предлагается современными «левыми радикалами» различного толка. Примеры — немедленное, еще до создания новой структуры собственности, упразднение отраслевых министерств; полный демонтаж существующих форм организации производства в аграрном секторе; введение явочным порядком собственности союзных республик. Здесь прямо допускается противопоставление и даже столкновение различных социальных сил. Не отрицается возможность вовлечения в «столкновения» и государственных институтов. Собственно такие «столкновения» уже стали реальностью.

Этот вариант в том или ином виде будет и далее непременно «вспоминаться» и пропагандироваться, если реформы в рамках первого останутся малорезультативными.

Излишне, видимо, доказывать, что ориентация на противостояние друг другу и государству различных общественных сил (к сожалению, ставшее в 1989 г. реальным и весьма острым в ряде известных случаев), может придать неизбежной в переходный период дестабилизации крайне острый характер с непредвиденными экономическими, социальными и политическими результатами.

Альтернатива, о которой идет речь, по сути выглядит так: или достаточно постепенные, но целенаправленные и радикальные преобразования в условиях относительного «социального мира», или скорый, но неоднозначный по характеру и последствиям переходный период. Разум требует выбрать первое, что, кстати, совершенно не означает индульгенции государству и его аппарату на дальнейшее топтание на месте во многих принципиальных вопросах.

Приближение политической системы к подлинному народовластию, сильное демократическое государство в рамках именно этого варианта должны обеспечить безусловное осуществление выдвинутых перестройкой целей.

Необходимо отметить, что государство в лице его парламента и правительства должно более активно проводить в жизнь «перестроечный» вариант и столь же активно противостоять попыткам его «леворадикальных» и «правоконсервативных» деформаций. Активность консервативных сил, как уже отмечалось в последнее время (вторая половина 1989 г.) нарастает, что является существенным моментом в новой расстановке политических сил.

По нашим наблюдениям, политическое руководство страны не дает должного отпора ни первому, ни второму «уклонам». Уступки «левым радикалам» состоят прежде всего в попытках форсированного решения ряда социальных проблем, хотя это и не обеспечивается необходимыми ресурсами, ведет к обострению инфляции. Сюда же есть основания отнести поспешность в перераспределении функций социально-экономического управления в пользу отдельных республик и регионов, что усиливает неразбериху в экономике, эскалацию политических требований и стимулирует кризисное развитие межнациональных отношений.

В то же время под воздействием консервативных настроений происходят недопустимые задержки в осуществлении совершенно неотложных мер по формированию новой структуры собственности, обеспечению функционирования рынка. Трудно, в частности, оправдать оттяжку принятия законов о собственности и о земле осенью 1989 г. Это препятствует расширению и укреплению социальной базы перестройки, созданию эффективных социально-экономических механизмов роста экономики. По сути, в угоду консерваторам пока что реализуется подвергнутая резкой и справедливой критике концепция, согласно которой в ближайшие годы предстоит улучшить экономическое положение не на основе задействования новых базисных отношений, а путем принятия централизованных крупных «оздоровительных» мер в сферах финансов, денежного оборота, перераспределения ресурсов. Думается, что это является серьезной ошибкой. «Перестроечный» вариант требует согласования «оздоровительных» мер и ускоренного создания новых социально-экономических отношений.

«Левый радикализм» как и «правый» консерватизм, находя по тем или иным причинам отклик в общественном сознании, в условиях кризиса способны стимулировать акции не столько радикальные, сколько деструктивные, приводящие к обострению социально-экономического положения и социальной конфронтации. В таких ситуациях государственных решений и образ действий больше тяготеют к «пожарным мерам», половинчатости и компромиссам (вспомним про объективную для государства функцию обеспечения стабильности), чем к целенаправленным действиям.

Примеров компромиссов в формировании социально-экономической политики в годы перестройки более чем достаточно. Произошло определенное смещение центра тяжести: компромисс из разумного и неизбежного тактического способа осуществления стратегии сам превратился в последовательную стратегию уступок и согласований в ущерб целенаправленности преобразований.

Функции государства в обновленном обществе, в том числе в социально-экономической сфере, должны быть направлены на осуществление выдвинутых перестройкой целей. Это одна из необходимых предпосылок решения проблем, поставленных перед нашим обществом жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бим А. Государственный план: новые задачи, новая модель//Коммунист. 1989. № 11.
2. Бим А. Реформа хозяйственного управления: задачи, опыт, проблемы. М.: Наука, 1989.

Поступила в редакцию
22 I 1990